

Ван Чжэнь не придавал этому значения. Он легко усмехнулся:

— А впрочем, притвориться пьяным — идея не такая уж плохая.

Ван Чжэнь приступил к расследованию в городе Шэнцзине касательно личности Цюй Сяо. Тем временем после утреннего приема Чжао Фу призвал троих принцев во Дворец Чуйгун.

Сквозь цветные витражные окна пробивался чистый солнечный свет, фимиам амбры наполнял тишину Дворца Чуйгун. Чжао Фу перелистал лежавшие на столе доклады и произнес:

— Я на престоле уже тридцать один год, но детьми не богат, и ныне у меня остались лишь вы. В эти дни вы исполняли кое-какие поручения при дворе, да и День рождения покойной императрицы-матери устроили превосходно, я крайне доволен. Прошлой ночью я размышлял и пришел к выводу, что постоянно держать вас подле себя — пожалуй, не к добру. Отныне вы покинете Шэнцзин и займетесь настоящим делом!

Трое принцев одновременно остолбенели.

За все тридцать один год правления Чжао Фу ни разу не уделял особого внимания своим сыновьям. И вот, едва даровав им возможность приобщиться к государственным делам, не прошло и месяца, как он снова отправляет их прочь из Шэнцзина.

Когда весть об этом разнеслась, весь двор погрузился в шок.

Трое принцев понятия не имели, в чем провинились, они пребывали в полной растерянности и не знали, что делать. Да что там они — даже высокопоставленные сановники, пользовавшиеся глубоким доверием императора, сгорали от недоумения.

Когда Левый канцлер Цзи Вэнцзи обсуждал это со своим советником, помощник исправителя дел канцелярии Ци Цзэ выразил крайнее замешательство:

— Если Его Величество хотел отдалить троих принцев, то мог бы просто не привлекать их к устройству Дня рождения покойной императрицы-матери. Зачем было устраивать всю эту суету, лишь создавая лишние хлопоты?

Цзи Вэнцзи потягивал простой чай. Нахмутив брови, он и сам не понимал скрытого замысла Чжао Фу.

Ци Цзэ спросил:

— Ци Вэнцзи, у Его Величества может быть иная цель?

Цзи Вэнцзи поставил пиалу на стол и тяжело вздохнул:

— В последние годы Государь становится все более непредсказуемым. Даже я постепенно перестаю его понимать!

С другой стороны, Ван Цюань и Ван Чжэнь также обсуждали решение императора выслать троих принцев из Шэнцзина. Они долго совещались, но так и не пришли к выводу. На благородном и утонченном лице Ван Чжэня впервые за долгое время появилось замешательство. Сколько он ни размышлял, так и не смог уловить суть.

Ван Чжэнь гадал не на пустом месте: за эти годы, будучи фаворитом императора, он обзавелся собственными источниками информации.

Однако на этот раз внезапный шаг государя застал всех врасплох. Никто не в силах был понять, о чем думает властелин Великой Сун.

Впрочем, Правый канцлер Ван Цюань на этот раз отнесся к этому спокойно и заметил:

— А мне кажется, Цзыфэн, ранее ты изрек весьма верную мысль.

Ван Чжэнь поднял взгляд на Ван Цюаня.

Энергичный и бодрый Правый канцлер смаковал отборный чай Билочунь, чувствуя себя совершенно непринужденно. Слегка улынувшись, он спросил:

— Наш Его Величество на престоле уже более тридцати лет. Совершил ли он хоть одну ошибку?

Ван Чжэнь задумался и улынулся:

— Дядюшка-предок и вправду хочет, чтобы я ответил?

Ван Цюань смутился:

— Я ведь сказал это лишь к слову, неужели Цзыфэн решит спорить по мелочам?

Чжао Фу не был безупречным и мудрым правителем; скорее, его вообще нельзя было назвать таковым. По большей части он действовал ради собственной выгоды и вечной славы. Поэтому в первые двадцать лет правления он действительно совершил немало промахов, что привело к нестабильности при дворе и изнурительной войне с Государством Ляо, из-за которой народ терпел бедствия. Однако в последние десять лет Чжао Фу всё увереннее удерживал власть над поднебесной: он ловко манипулировал сановниками, срамливая их для сдерживания и направляя на общую службу, благодаря чему Великая Сун познала эру мира и процветания.

Ван Чжэнь произнес:

— Я бы не дерзнул.

Ван Цюань неожиданно вздохнул:

— Если Его Величество, оказавшись между жизнью и смертью, пережил прозрение и его нрав резко изменился, мы бессильны что-либо исправить, остается лишь подготовиться ко всему и поддерживать порядок в государстве. Но неужели наш император из тех людей, кто меняется под воздействием внешних обстоятельств? Возможно, в последние годы ты стал ближе к Его Величеству и лучше понимаешь его помыслы, чем я. Однако за тридцать с лишним лет службы под его началом я понял лишь одно — как ты сам говорил ранее, нужно просто верить ему, и этого достаточно!

Сердце Ван Чжэня трепетало, он мгновенно осознал глубокий смысл слов Ван Цюаня. Тотчас сложив руки в приветствии, он поклонился:

— Благодарю дядюшку-предка за наставление!

После долгих секретных переговоров с Ван Цюанем Ван Чжэнь на экипаже вернулся в Резиденцию министра. Едва переступив порог и сменив при помощи слуг чиновничье одеяние, он услышал доклад слуги: его навестил чиновник Приказа наказаний. Этот человек был пешкой, внедренной Ван Чжэнем в Приказ наказаний.

Чиновник Приказа наказаний Гао Фэндэ, встретившись с Ван Чжэнем в кабинете, без обиняков сообщил:

— Подчиненный нашел человека, которого искал господин министр. Ныне он находится в тюрьме Приказа наказаний.

Ван Чжэнь удивился:

— Судом над провинившимися чиновниками всегда ведает Судебный приказ.

Именно поэтому последние пару дней он сосредоточил все силы на Судебном приказе. К тому же из-за возвращения Су Вэньюня в столицу ему приходилось искать человека втайне от него, что потребовало еще больше усилий.

Гао Фэндэ пояснил:

— Все именно так, однако дело этого человека уже закрыто, потому его и перевели в тюрьму Приказа наказаний.

— Так быстро? — едва произнеся эти слова, Ван Чжэнь на мгновение замер. Он посмотрел на Гао Фэндэ: — Здесь замешан господин Тан Цзинцзэ?

— Так точно.

Всего одной этой фразы хватило, чтобы Ван Чжэнь осознал истину. Провинившийся чиновник преодолел тысячи ли, прибыв из управы Цзиньлин в Шэнцзин. Тан Шэнь специально подослал людей в управу Цзиньлин для сбора сведений о нем, а затем вмешался в его дело, добившись, чтобы того упекли прямо в тюрьму Приказа наказаний. Ван Чжэнь тяжело вздохнул и с досадой промолвил:

— Он все же слишком мягкосердечен.

Молодость и незрелость.

Однако затем Ван Цзыфэн подумал: «Но если бы Тан Шэнь в столь юном возрасте уже отличался жестокостью и хладнокровно истреблял людей, разве я мог бы полюбить его?»

Что ж, пусть грязную работу, не гнушаясь никакими средствами, берет на себя он сам.

И вот тот самый шисюн, который в глазах Тан Шэня представал благородным, кристально чистым и исполненным высоких помыслов мужем, слегка сдвинул крышечку чашки и невозмутимо изрек:

— В последнее время в Приказе наказаний содержится немало преступников, и расходы изо дня в день возрастают. Казна опустела после прошлогодней крупной войны с Государством Ляо, концы с концами сводятся с трудом. Приказу наказаний, как одному из шести ведомств, надлежит разделять заботы Его Величества и печься о народном благе. Как вы считаете, господин Гао?

Гао Фэндэ уже не раз проворачивал для Ван Чжэня темные делишки. Они давно действовали заодно, и Гао Фэндэ ничуть не стыдился этого, а скорее даже гордился.

Гао Фэндэ склонил голову в изъявлении покорности и искренне ответил:

— Подчиненный полностью согласен с вами.

В ту же ночь в тюрьме Приказа наказаний один из узников, страшаясь наказания за свои преступления, покончил с собой, с размаху ударившись головой о стену.

Жизнь и смерть какого-то фэйцивэя из управы Цзиньлин в огромном городе Шэнцзине были лишь каплей в море, не достойной даже упоминания.

Чжао Фу сказал, что отправит троих принцев выполнять поручения за пределами столицы, и вскоре издал указ, назначив каждому из них дело.

Если бы Чжао Фу действительно хотел отдалить принцев, он вполне мог сослать их в глухие провинции, однако не сделал этого. Каждый из троих сыновей получил отменную, хлебную должность. Если они хорошо справятся, за продвижение по службе можно не беспокоиться.

Тан Шэнь гостил в доме Ван Чжэня. Он со вздохом спросил у него:

— Шисюн, ты понимаешь глубокий смысл этого шага Его Величества?

Ван Чжэнь заваривал для него чай. В каждом его движении сквозило изящество истинного аристократа. Подав пиалу Тан Шэню, он спокойно произнес:

— Разве сегодня мы, два брата-ученика, не собрались, чтобы вместе полюбоваться каллиграфией, написанной учителем вчера? С чего же мы снова заговорили об услужении при дворе?

Тан Шэнь на мгновение опешил, принял пиалу:

— Верно.

А про себя тут же ухмыльнулся: «Ты, Ван Цзыфэн, на этот раз тоже ничего не понял!»

Пусть Ван Чжэнь и не смог разгадать помыслы Чжао Фу, он выглядел столь непринужденно и уверенно, словно по-прежнему держит всю полноту власти и контролирует положение дел, ничуть не поддаваясь панике. Тан Шэнь отпивал чай и наблюдал за ним, но так и не смог разглядеть ни единого изъяна в его хладнокровии. Тан Шэнь ощутил искренний восторг и восхищение: его шисюн поистине неординарный человек.

В конце восьмого месяца трое принцев должны были покинуть столицу.

Наследник княжества Цзин Чжао Цюн устроил пир в честь Тан Шэня в Тереме Цяньли. При приглашении он намекнул, что на пиру может присутствовать кое-кто еще. Тан Шэнь все понял без слов и после долгих раздумий решил принять приглашение.

Когда Тан Шэнь прибыл в Терем Цяньли, они с Чжао Цюнем немного подождали, и вскоре управляющий провел в отдельный кабинет второго принца Чжао Шана.

Чжао Цюн сразу же поднялся и обратился к Тан Шэню:

— На этот раз я утаил это от тебя, Цзинцзэ. На самом деле я пригласил и второго принца. Но ты и сам знаешь, что ситуация при дворе сейчас изменчива, и Его Высочество второй принц не смеет открыто встречаться с сановниками. Я позвал его исключительно как брата, так что сегодня у нас семейный пир, без разговоров о политике.

Тан Шэнь тоже незамедлительно встал и вместе с Чжао Цюнем приветствовал Чжао Шана:

— Подчиненный понимает благородные намерения Вашего Высочества наследника.

Оба они пригласили Чжао Шана войти.

Чжао Цюн поклонился:

— Чжао Цюн приветствует второго принца.

Чжао Шан улыбнулся:

— Мы же братья, к чему эта стеснительность? Сегодня лишь семейный ужин, забудь о титуле второго принца. — Произнеся это, он повернулся к Тан Шэню: — А это, должно быть, господин Тан Цзинцзэ?

<http://bllate.org/book/18292/1757428>